

*Земская идея, земство,
гласные, либералы,
консерваторы, реформа,
контрреформа, Советы,
муниципальное
самоуправление*

*Zemstvo idea, zemstvo,
town councillor, liberals,
conservatives, reform,
counterreform, Soviets,
municipalism*

ЗЕМСКАЯ ИДЕЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

А.В. Ефременко
д.и.н., профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических наук
ФГБОУ ВПО «Ярославская ГСХА»

Земская идея своими корнями уходит ещё в догосударственный период нашей истории. К моменту образования российского государства она имела черты уже устоявшейся традиции. Её производными были такие семантические понятия, как «земля», «русская земля», «землячество», «земство», практически неотделимые ещё от этнической сферы и природной среды. Поэтому земство и месторазвитие есть синонимы, указывающие на территориальное сообщество, имевшее больше социально-психологическое, чем политическое значение. Оно качественно отличалось от «волости» тем, что не обладало властными полномочиями.

Понятно, что далеко не всякое земское могло быть самоуправляющимся. Долгое время самоуправление на местах монополизировалось земледельческой общиной, представлявшей собой локальное хозяйствующее ядро или своего рода микрокосм. В литературе её обычно называют сельской или соседской общиной. Однако долгое время слова «сельское» и «соседское» ещё не являлись вполне идентичными, так как «соседей», то есть крестьян в качестве непосредственных производителей, ещё не было. Но были земледельцы, пахари, объединённые коллективной, общинной, а иногда кровнородственной связью. Вместе они составляли так называемые «миры» – первые ячейки самоуправления, изолированные друг от друга в силу слабых демографических процессов и малой плотности населения. От земского, территориального существования они отличались конкретной формой практической деятельности.

Эта первая ступень земледельческой общины только в XIV-XV веках стала трансформироваться во вторую (европейскую). Происходило это постепенно в связи с имущественным и социальным разложением и появлением индивидуального (соседского) землепользования. И на этой основе мирское самоуправление могло бы в перспективе слиться с понятием «земское». Но этого не произошло из-за превращения крестьянской общины в условиях крепостничества в тягловую (фискальную) единицу в системе государственного налогообложения. В этом состояла главная причина того, почему, несмотря на использование в обиходе слова «земство», земского самоуправления в России не было вплоть до освободительных реформ Александра II. Что же касается земства при Иване IV или земского ополчения под руководством Кузьмы Минина, то они никакого отношения к земскому самоуправлению не имели. Этот институт мог появиться лишь с превращением феодального общества в буржуазное, когда крестьянство стало изживать тесные рамки общинного землевладения и землепользования и превращать

ся в собственников или наёмную рабочую силу, то есть в капиталистических субъектов. И лишь тогда, наконец, семантический концепт «земство» стал наполняться хозяйственным, социальным и культурным содержанием, позволяющим ему выходить из виртуального состояния и становиться названием самоуправляющейся территории. Это было главным условием того, что в январе 1864 года в России были введены земские органы самоуправления, но которые, как и все остальные после отмены крепостного права нововведения, имели амбивалентный (двойственный) характер.

Данная сущность российского земства, введённого по «Положению» 1864 года, не может быть сопоставима ни с одной западноевропейской моделью местного самоуправления. Это вытекает из того, что Россия в период становления земских учреждений являлась самодержавной монархией, в то время как в Англии, во Франции и даже в Германии, побеждала буржуазная демократия. Особенность российского земства состояла в двойственном, неоднородном сосуществовании и сопоставлении коронного (правительственного) и земского (общественного) начал, как своего рода единства и борьбы противоположностей, с заранее ожидаемым положительным итогом для органов местного самоуправления в силу их большей идентичности интересам хозяйствующего населения.

Земское самоуправление в России (1864-1918 гг.) развивалось хотя и достаточно эволюционно, но всё же с чётко выраженными точками бифуркаций. Анализируя эти перерывы постепенности, можно видеть, что в конечном итоге из несводимых друг к другу начал, верх брала именно общественная составляющая. Заданное в самом начале процесса в виде парадигмы, земское самоуправление продолжало впоследствии набирать обороты, как наиболее адекватно соответствовавшее задачам крестьянской реформы.

Именно поэтому, несмотря на всё возраставшие избирательные цензы в пользу дворян-землевладельцев, их удельный вес, особенно в губернских земских собраниях и в меньшей степени в уездных, неизменно сокращался. Происходило это не только в результате разорения владельцев родовых имений и продажи их земель, но и вследствие широко распространённого уклонения дворянского сословия от коллегиальной работы. Его представители, избранные гласными земских собраний и членами совещательных органов, часто отсутствовали на их заседаниях. А то и вовсе не желали баллотироваться на следу-

ющее трёхлетие из-за своего индифферентного отношения к общественной деятельности.

Но особенно не устраивал помещиков основной, по их мнению, недостаток земских учреждений, состоявший в том, что они не являлись законодательно неотъемлемой частью системы государственного управления. И поэтому представляли собой особые общественные организации, стремившиеся дистанцироваться от патерналистской политики государства и действовать самостоятельно в пределах своей компетенции.

Земский нигилизм помещиков в своём произведении «Анна Каренина» наглядно показал Л.Н. Толстой в лице одного из своих персонажей, К. Левина, который говорил, что он уже не «земский деятель» и «со всеми разбрался», так как «никакой земской деятельности нет и быть не может». Ибо она «с одной стороны, игрушка, играют в парламент, ... а, с другой ... средство для уездной партии наживать деньжонки. Прежде были опеки, суды, а теперь земство, не в виде взяток, а в виде незаслуженного жалованья» [1]. В этих словах виден типичный представитель того круга землевладельцев, которые крайне болезненно ощущали потерю вотчинной власти над крестьянами и готовы были ко всяким обструкциям, чтобы сорвать нормальную работу органов местного самоуправления. При этом они надеялись, что правительство пересмотрит всесословный принцип избрания земских гласных по куриям и заменит их сословно-корпоративными собраниями, а им предоставит право попадания в земства без всяких выборов, как наиболее способным управлять местными делами.

И, казалось, что их надеждам суждено было сбыться, после того как министр внутренних дел Д.А. Толстой ликвидировал комиссию по земскому законодательству, возглавляемую в 1881-1885 гг. либеральным деятелем А.С. Кахановым, и приступил к активной фазе борьбы с земской избирательной системой. Это очень было похоже на то, как прежний министр внутренних дел П.А. Валуев из тех же консервативных соображений распустил в 1861 году земскую комиссию либерала Н.А. Милютина. Было очевидно, что в правительственных сферах относительно местного самоуправления отчётливо обозначились две линии, дважды уже пересекавшиеся между собой в точках наиболее интенсивного напряжения борьбы консервативной (дворянской) и демократической (буржуазной) концепций управления хозяйственными территориями. Одна проводилась Н.А. Милютиным и А.С. Кахановым,

а другая П.А. Валуевым и Д.А. Толстым вместе с его помощником А.Д. Пазухиным. Причём, если первая вела к синтезу российских традиций и западноевропейских новаций в области местного самоуправления, то вторая, напротив, приводила к конфликтам тех же традиций и новаций.

В конце 80-х гг. мнение традиционалистов о настоящем и будущем земств в России явно возобладали после того, как министерский проект нового «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», разработанный А.Д. Пазухиным, был представлен императору и получил его предварительное одобрение. Хотя по своему содержанию проект был настолько реакционным, что вполне был равносителен упразднению земского самоуправления. Правда, сам Д.А. Толстой не дожид до передачи документа в Государственный совет для окончательно утверждения. Но переданный на дополнительное рассмотрение уже новому министру внутренних дел И.Н. Дурново, проект не претерпел каких-либо существенных изменений. Однако Государственный совет, на рассмотрение которого он поступил в феврале 1890 года, не решился утвердить его в таком одиозном виде. Им был утверждён компромиссный вариант закона, по которому сохранялся избирательный принцип формирования земских собраний. Но сами выборы должны были проводиться на основе сословно-куриального представительства, отдельно в дворянских и городских избирательных собраниях посредством выбранных таким же образом уполномоченных. Что же касается бывшей третьей (крестьянской) курии, то она также была отменена, а вместе с нею и выборы крестьян. По новому закону попадание их в земские собрания становилось возможным лишь после утверждения губернатором представленных ему кандидатур волостных старшин, сельских писарей и заслуживающих доверия властей зажиточных домохозяев. Установленный более высокий имущественный ценз обеспечивал прохождение в земские собрания преимущественно дворянского сословия.

И, тем не менее, министерская контрреформа не достигала цели и не могла реализоваться. Она только на бумаге являлась «контрреформой», а на деле дворян-консерваторов не хватало физически, чтобы вполне заместить ими первое сословно-куриальное собрание. Поэтому в целом ряде уездов большинство земских собраний представляли гласные-крестьяне. Уже сразу после 1890 года из 361 уезда таковых насчитывалось 316 [2]. Но, кроме того, существовали абсолютно «кре-

стьянские» земства, которые нельзя было сделать консервативными никакими контрреформами. Таковыми являлись Пермское, Вятское, Олонцкое и в значительной степени Вологодское земства. Большинство земских гласных не признавало навязанный им принцип сословного представительства, который существовал только по форме, а на практике тотчас отступал на задний план, как только они проходили через избирательное собрание.

Этот дуализм в деятельности земских учреждений отмечался многими исследователями и наблюдателями, которые пытались понять, что же в конечном итоге делало земства жизненными явлениями. Например, известный правовед А. Лохвицкий ещё в самом начале существования земств особо выделял их уникальность для России, так как «подобных не было» в её истории [3]. Спустя 40 лет, выдающийся историк земства Б.Б. Веселовский, несмотря на то, что его капитальные тома о нём были полны и критического материала, тем не менее, считал земские учреждения «крупным фактом в российской действительности» [4]. Причём никакого противоречия в этом не было. Он только показывал, таким образом, борьбу двух начал – самодержавно-помещичьего и земского. И даже в условиях действовавшего консервативного «Положения...» 1890 года, он видел симптомы постепенного вытеснения сословно-дворянской идеологии из земских собраний по мере ослабления её экономической базы в сельском хозяйстве. Несмотря на существовавший закон о выборах, земства по своему характеру становились буржуазными и демократическими. Таковыми их делал, прежде всего, широкий приток на службу профессиональной интеллигенции. Данная точка зрения основывается и на трудах историков советского периода [5, 6, 7, 8]. Сам же Веселовский, будучи хорошо знакомым с различными взглядами на сущность самоуправления, не был приверженным какому-то одному из них. Как историк, он находил многочисленные примеры того, что реальная земская практика приносила весьма положительные результаты и пытался найти им соответствующее объяснение. Основной вывод при этом сводился к тому, что земцы, в большинстве своём идейные люди и общественники по призванию, не могли ждать благоприятных условий для полного проведения в жизнь принципов самоуправления. Вынужденные приспособляться к существовавшим порядкам, они обращали в свою пользу то, что заведомо мешало их деятельности. По этому поводу учёный

писал, что даже наличие такого недостатка земств, как отсутствие должной компетенции, на деле «давало возможность молодым общественным силам сплотиться ... на почве отстаивания ... своей самостоятельности» [9]. А это помогало ограждать культурно-хозяйственную деятельность от бюрократического вмешательства.

Со временем стремление к независимости приобрело вид оппозиционности, в которой ведомственному диктату противостояла земская идея, имевшая, по выражению председателя Московской губернской земской управы Д.Н. Шипова, «этико-социальную» направленность. Как явление ментальное, являвшееся прогрессивной чертой русского национального характера, она была значительно шире той служебной хозяйственной функции, которая определялась предметами ведения земств. Главное назначение местного самоуправления по ней состояло в обеспечении социальной справедливости и общественной солидарности. Практически это означало, что при использовании средств налогоплательщиков земские учреждения в своей деятельности должны руководствоваться теми насущными потребностями развития территорий уезда или губернии, которые уже вполне осознаны населением. Следовательно, те или иные отрасли земского хозяйства уже по своему назначению становились общественными, призванными обслуживать нужды населения, исходя из сумм денежных сборов и рода сельскохозяйственных занятий. А с этим было связано такое принципиально важное положение, как право всех проживавших на территории данной земской единицы участвовать в выборах гласных [10].

В своё время известный историк и юрист Б.Н. Чичерин, противопоставляя земства профессиональным объединениям, писал: «... едва ли в России найдётся другая среда, которая бы до такой степени приходилась чувствам порядочного человека. Это не собрание чиновников ..., это не съезд дельцов ..., это и не дворянское общество...». Но если в земском собрании будет хоть несколько преданных общественной идее людей, оно «всегда будет идти недурно» [11]. Именно такими земцами являлись И.И. Петрункевич, А.И. Шингарёв, Д.И. Шаховской, Н.В. Некрасов и многие другие. В сущности, благодаря их подвижнической деятельности становится понятно, почему с изданием нового «Положения ...» земские дела отнюдь не замедлились. Попросту они оказались в руках тех демократических элементов, для которых земское служение было высо-

конравственным долгом. Такие гласные, несмотря на некоторые периоды спада их активности, вызванные политической реакцией, всегда оставались фактическими лидерами, десятилетиями осуществляя свою благородную миссию. Иметь моральное и практическое влияние на основную массу земских гласных им позволяла некая-нибудь партийная принадлежность, которая к тому же приостанавливалась на время их выборного представительства, а широкая известность среди населения. В отличие от большинства, прошедшего через сословные выборы только в своих куриях, при необходимости они могли баллотироваться в любой из них и тем самым всегда испытывали чувство ответственности перед выборщиками за оказанное доверие.

Благодаря земской идее, воспитывавшей и сближавшей гласных, их деятельность не могла ограничиваться преимущественно дворянскими интересами, как бы того не хотели составители «Положения ...» 1890 года. Поэтому слово «земское» всегда ассоциировалось с понятием «общественное», находя продолжение в таких сферах, как народное здравие и образование, общественное призрение и общественная агрономия. Агрономическая помощь являлась самой молодой отраслью земского хозяйства, вступившей в организационный период своего развития лишь в последнее десятилетие XIX века. С этого времени объектом внимания земств непосредственно становятся крестьянские хозяйства. А это уже была задача исторически более значимая, так как предстояло через агрономические формы и методы (и связанную с ними крестьянскую кооперацию), воздействовать на агрокультуру и общинные поземельные отношения, способствуя переходу их на новые ступени развития.

Однако выполнять её земствам пришлось не просто, так как после революции 1905 года правительство П.А.Столыпина требовало от земских учреждений оказания агрономической и иной помощи исключительно землеустроенным хозяйствам отрубников и хуторян. А это в корне противоречило основополагающему земскому принципу оказания хозяйственного содействия всему сельскому населению без различия форм собственности. И хотя земства вовсе не отказывались оказывать агрономическую помощь выделившемуся из общинного землевладения меньшинству, но и оставшееся в общине большинство крестьянских хозяйств они не бросали на произвол судьбы. На этой почве правительство и земства неизбежно должны были придти

уже к третьей точке бифуркации в их отношениях. Причём возникшая конфронтация между столыпинскими землеустроителями и земскими агрономами не могла быть преодолена при помощи «Положения о земских учреждениях» 1890 года. Оно окончательно устарело и перестало соответствовать духу времени, которое требовало демократизации земств и, в частности, создания такой мелкой единицы самоуправления, как волостное земство, максимально приближенное к крестьянскому хозяйству. В этот период земские агрономы вплотную подошли к его нуждам, взяв на вооружение перспективные достижения нарождавшегося направления русской организационно-производственной мысли, у истоков которого стоял экономист А.В. Чаянов.

Стратегическим просчётом П.А. Столыпина являлось то, что он не сумел наладить конструктивные отношения с земскими деятелями, чтобы совместными усилиями агрономов и землеустроителей обустроить новую общину как естественную ячейку местного самоуправления. Однако неуспех столыпинской реформы, а затем начавшаяся мировая война не позволили земству закрепить и развивать результаты своей пятидесятилетней деятельности на поприще служения интересам хозяйствующего населения.

Пришедшие им на смену Советы коренным образом отличались от земств, выражая интересы не сословий, а широких трудящихся масс. На смену общественной теории местного самоуправления, бывшей оппозиционной по отношению к абсолютной монархии, пришла государственная концепция управления местными делами. Но в отличие от таковой, например, во Франции, Англии и Германии, где также после глубоких революционных преобразований возобладала государственная теория местного самоуправления в тех или иных национальных формах, в СССР основополагающим принципом построения и функционирования местных органов управления стал принцип демократического централизма. Это вытекало из общенародной формы собственности на средства производства, планово-директивного управления народным хозяйством, многонационального состава и огромной территориальной протяжённости страны. Не в последнюю очередь, на этом сказался и «железный занавес», воздвигнутый между капиталистическими странами и первой страной социализма обеими сторонами.

В соответствии с принципом демократического централизма, выборность распорядитель-

ных органов осуществлялась снизу доверху, а руководство деятельностью Советов – сверху вниз. Непосредственное управление местными делами между сессиями депутатов велось исполнительными комитетами, их отделами, управлениями и комиссиями. Действовал принцип разграничения полномочий советских и партийных органов. Но после принятия в 1977 году новой Конституции СССР и признания КПСС ядром всей политической системы, партийное влияние на Советы практически свело к нулю их самостоятельность в вопросах хозяйственного и культурного развития. В историческом плане это вполне походило на земскую контрреформу 1890 года.

В постсоветский период муниципальные формы местного самоуправления ещё больше отошли от исконно российских традиций самоуправления. Никто, конечно, в конце XX века и не помышлял возродить старые земства образца 1864 или 1890 годов. Но, тем не менее, в нашей истории XX в. существовал проект нового земства, разработанный в ходе Февральской революции Временным правительством, который бы вполне отвечал политическим реалиям, возникшим в начале 1990-х годов. Тогда, летом 1917 года, помимо уездных и губернских земств, наконец-то была создана мелкая (волостная) земская единица, выборы проводились на основе всеобщего избирательного права при отсутствии каких-либо имущественных ограничений. Широкая демократическая волна, захлестнувшая земские собрания, позволила сформировать в них подлинно народное представительство, преимущественно из средних слоёв населения.

Однако аграрные преобразования в России в начале 90-х годов настолько подорвали способность населения управлять сельскими территориями в виду их экономической и социокультурной деградации, что деятелям возникшего тогда земского движения, попросту пришлось отказаться от земских принципов организации местного самоуправления. К тому же господствовавшая в то время либеральная идея, активно навязывала западные образцы муниципального самоуправления. Но ни английская, ни французская или германская (и тем более американская) системы местного самоуправления не получили у нас своего развития по той же самой причине, что и земская. Потратив на эксперименты без малого два десятилетия, организаторы реформы вынуждены были остановиться на чрезвычайно фрагментарной модели местного самоуправления, включающей в себя так называемые поселения,

городские округа и муниципальные районы. Главный критерий, которым они при этом руководствовались, заключался в наличии именно в крупных городах финансовых средств, необходимых для самостоятельного управления хозяйственными и культурными процессами. Отсюда делался вывод о том, что социально-экономическое и политическое возрождение России начинается не с хозяйственных территорий, а посредством развития городских и поселковых агломератов, которых сегодня в виде самоуправлений насчитывается 24510 единиц [12].

Таким образом, главной чертой существующих ныне муниципальных форм самоуправления является отсутствие единого хозяйственного пространства. Между ними нет должного соподчинения. Каждое действует в соответствии с вверенными ему полномочиями. Для выполнения возложенных на них функций создаются соответствующие структурные подразделения, численность которых скорее свидетельствует о муниципальном управлении, нежели о муниципальном самоуправлении. Например, в городских муниципальных образованиях основными исполнительными органами являются комитеты и фонды имущества, земельные комитеты, комитеты по инвестиционной политике, отделы финансовых ресурсов и технологий, отделы цен, тарифов и налогов, службы регистрации и лицензирования, отделы труда и занятости. Главы муниципальных администраций имеют многочисленных заместителей, помощников, советников и пресс-секретарей. Они, в свою очередь, курируют вверенные под их начало соответствующие службы (управления, комитеты и отделы). Аппарат управления,

достигший уже нескольких сот тысяч служащих, невольно приобретает самодовлеющее значение. Он вполне обходится без консультаций с представительными органами и между ними возникают всякого рода коллизии. Функции, которыми наделены обе ветви власти, способны сильно влиять на экономическую и социальную ситуацию, как с большой пользой для местного бюджета, так и, напротив, в состоянии нанести ему определённый ущерб. Ибо существуют возможности для келейного проведения сделок и аукционов, с занижением норм оплаты. Основная причина всех этих недостатков органов муниципального самоуправления состоит в том, что они пока ещё не приблизились к населению и не стали формой народовластия, как предписывает им Конституция Российской Федерации. На наш взгляд, муниципальное самоуправление как институт гражданского общества в процессе своей реализации является столь же сложным и противоречивым, как и формирование двух других его важных составляющих – рыночной экономики и правового государства. Муниципальная форма управления больше подходит для небольших развитых западных стран, в которых городская территория плавно переходит в сельскую местность и наоборот. В нашей же стране невысокий ещё уровень урбанизации не позволяет достаточно эффективно использовать это достижение европейской цивилизации. Поэтому не случайно земства представляли интересы исключительно сельскохозяйственных территорий губерний и уездов, а советская модель местного самоуправления была встроена в государственную вертикаль власти.

Литература

1. Толстой, Л.Н. Анна Каренина [Текст] / Л.Н.Толстой // Соч. в 12-ти томах. – Т.7. – М.: Правда, 1987. – С. 24-25.
2. Шутов, А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX – начала XX века) [Текст] / А.Ю. Шутов. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2011. – С. 289.
3. Лохвицкий, А. Губерния, её земские правительственные учреждения. Ч.1. [Текст] / А. Лохвицкий. – СПб.: [Б.и.], 1864. – С.131.
4. Веселовский, Б.Б. История земств за 40 лет. Т.1 [Текст] / Б.Б.Веселовский. – СПб.: [Б.и.], 1909. – 724 с.
5. Захарова, Л.Г. Земская контрреформа [Текст] / Л.Г. Захарова. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – 179 с.
6. Карелин, А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. [Текст] / А.П. Карелин. – М.: Наука, 1979. – 304 с.
7. Пирумова, Н.П. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. [Текст] / Н.П. Пирумова. – М.: [Б.и.], 1986. – 118 с.
8. Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России [Текст] / Г.А. Герасименко. – М.: Наука, 1990. – 264 с.

9. Веселовский, Б.Б. Децентрализация управления и задачи земства [Текст] / Б.Б. Веселовский // Юбилейный земский сборник. – СПб.: [Б.и.], 1914. – С.41-42.

10. Шипов, Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом [Текст] / Д.Н. Шипов. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. – С.27-28

11. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума [Текст] / Б.Н. Чичерин. – М.: Кооперативное изд-во «Север», 1934. – С. 20.

12. Местное самоуправление в Российской Федерации на современном этапе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://referatwork.ru/refs/source/ref-29188.html>.

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЯРОСЛАВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ»**

Бессрочная лицензия ААА № 002208 от 07.11.2011 г

Факультет, направление подготовки (профиль)	Вступительные испытания
<i>Прием в ФГБОУ ВПО «Ярославская ГСХА» проводится по результатам ЕГЭ или результатам вступительных испытаний, проводимых ВУЗом самостоятельно. Дополнительную информацию можно получить в приемной комиссии или на сайте ФГБОУ ВПО «Ярославская ГСХА» www.yaragrovuz.ru</i>	
ОЧНАЯ И ЗАОЧНАЯ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ	
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	
Бакалавриат	
Экономика (Финансы и кредит)	Русский язык Математика (профильный уровень) Обществознание
Экономика (Бухгалтерский учет, анализ и аудит)	
Менеджмент (Производственный менеджмент)	
Магистратура	
Экономика (Экономика фирмы и отраслевых рынков)	Комплексный экзамен
Экономика (Банки и банковская деятельность)	
ИНЖЕНЕРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ	
Бакалавриат	
Агроинженерия (Машины и оборудование в агробизнесе)	Русский язык Математика (профильный уровень) Физика
Агроинженерия (Электрооборудование и электротехнологии в АПК)	
Агроинженерия (Технический сервис в АПК)	
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	
Бакалавриат	
Агрономия (Агрономия)	Русский язык Биология Математика (профильный уровень)
Агрохимия и агропочвоведение (Агроэкология)	
Зоотехния (Разведение, генетика и селекция животных)	
Ветеринарно-санитарная экспертиза (Ветеринарно-санитарная экспертиза)	
Технология производства и переработки с/х продукции (Технология производства и переработки с/х продукции)	
Магистратура	
Агрономия (Адаптивные системы земледелия)	Комплексный экзамен
Зоотехния (Разведение, генетика и селекция с/х животных)	

**ПРИЕМ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ КАК НА БЮДЖЕТНЫЕ МЕСТА (В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕСТА ДЛЯ ЦЕЛЕВОГО ПРИЕМА),
ТАК И НА МЕСТА С ПОЛНЫМ ВОЗМЕЩЕНИЕМ ЗАТРАТ.**

Прием документов на очную и заочную формы обучения по программам бакалавриата и программам магистратуры начинается с 19 июня до:

- у лиц, поступающих в академию по результатам вступительных испытаний, проводимых академией самостоятельно, до 10 июля;
- у лиц, поступающих в академию только по результатам ЕГЭ и олимпиад, до 24 июля (для очной формы обучения) и до 24 августа (для заочной формы обучения).

Осуществляется трудоустройство выпускников.

**Существует возможность получения дополнительного профессионального образования
Всеим иногородним студентам предоставляется общежитие.**

ЦЕНТРОМ ДЕЛОВОЙ КАРЬЕРЫ ФГБОУ ВПО «ЯРОСЛАВСКАЯ ГСХА» ОРГАНИЗОВАНЫ КУРСЫ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ:
ВОДИТЕЛЬ КАТЕГОРИИ В; ЛАНДШАФТНЫЙ ДИЗАЙН; ФЛОРИСТИКА; КИНОЛОГИЯ.

ПРИЁМНАЯ КОМИССИЯ:

150052, г. Ярославль, ул. Е. Колесовой, 70. Телефоны: (4852) 54-74-36, 57-86-92 e-mail: priem-agro@yarcx.ru